

Шугуров М. В.

ФЕНОМЕН ТОЛЕРАНТНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОППОЗИЦИИ «НАСИЛИЕ — НЕНАСИЛИЕ»

Аннотация. Предметом исследования является соотношение феноменов толерантности и ненасилия. В статье подчеркивается общая несовместимость толерантности и ненасилия с таким негативным явлением, как насилие. Анализируются концептуальные подходы к соотношению толерантности и оппозиции «насилие и ненасилие». Дается обоснование оптимальности ненасильственных паттернов коммуникации и социального взаимодействия. Проводится детальный анализ феномена насилия и демонстрируются тупики данной формы социальной практики, а также отсутствие ее морального оправдания в контексте доминирующей установки на толерантность. Анализ проведен на основании принципа историзма. Значительное место для авторского исследования имела методологическая установка М. Бахтина о преодолении чуждости чужого без его превращения в свое. Основными выводами проведенного исследования являются концептуальные построения относительно конкретизации феномена толерантности в практиках, с одной стороны, смысло-ценностной коммуникации, а с другой — ненасильственной борьбы. К основным результатам могут быть отнесены выводы о наличии у толерантности как ментальной установки пределов, которые обосновывают сочетание толерантности с легитимным применением силы.
Ключевые слова: толерантность, смысловое признание, диалог культур, глобализация, сопротивление силой, ненасилие, насилие, компромисс, моральный идеал, коммуникация.

Широкое включение толерантной установки в ценностные ориентации современной эпохи нацелено на изменение системы социальных и межличностных отношений в духе перехода от противоборства и использования насилия к сотрудничеству, основанному на доброй воле. И хотя порой выбор толерантности в качестве перспективной парадигмы и не оказывает

значительного влияния на международные и внутрисоциальные процессы, тем не менее, ее идейная и смысло-ценностная приоритетность неоспорима.

Дело в том, что в условиях глобализации происходит интенсификация разнообразных форм общения, в процессе которого происходит динамичное обнаружение момента различия в ценностных ориентациях и общем

контуре идентичности, как личностной, так и социокультурной. Поэтому с учетом растущей взаимозависимости не только государств на международной арене, но и личностей внутри социума возникает потребность конкретизации возможностей толерантности как условия эффективного взаимодействия социальных субъектов особенно с учетом всей сложности и противоречивости в развитии социума в условиях глобализации. Как отмечают А. А. Галкин и Ю. А. Красин, в условиях глобализации «складывается плотная, всепроникающая сеть общественных взаимоотношений. Нетерпимость в этих условиях генерирует высокие напряжения, способные блокировать жизнедеятельность общественных систем как на национальном, так и на мировых уровнях» [1, с.276], [2].

Феномен толерантности вот уже несколько десятилетий привлекает к себе внимание как исследовательских кругов, включая философию, так и общественности. Налицо значительные результаты в осмыслении ее форм и пределов [3–8], а также вполне обоснованная критика модели «всеядной», т.е. незнающей пределов толерантности, разрушительным образом действующей на сложившиеся традиции и институты, которые в целом обладают позитивным потенциалом [9, 10]. Вместе с тем, постоянное развитие социокультурной практики и практики толерантного общения постоянно побуждает предпринимать рефлексию над содержательными контурами данного феномена, искать его новые аспекты, задумываться над совершенствованием, по крайней мере на концептуальном уровне, ее структуры.

На наш взгляд, повышенной актуальностью может характеризоваться вопрос о соотношении толерантности с такими противоположными феноменами, как насилие и ненасилие. Это позволяет, во-первых, обосновать значение толерантности перед лицом ее критики. Во-вторых, это содействует более глубокому проникновению в замысел толерантности как особой социокультурной практики, характеризующейся акцентированием признания Другого и как следствие — отходом от дегуманизирующих последствий обострения архетипической оппозиции «свой — чужой».

Толерантность как особый тип коммуникационного взаимодействия связана с укреплением духа и практики ненасилия. Иными словами, ненасилие — это атрибутивное свойство толерантности, демонстрирующее ее гуманистический потенциал. Достаточно интересно, что в литературе ненасилие в свою очередь определяется через терпимость. Так, Н. Г. Пряхин подчеркивает, что «ненасилие — это феномен, согласно которому не причинение вреда и терпимость являются эффективными способами организации социальной реальности» [11, с.8]. Можно сказать и иначе, между толерантностью и насилием существует связь отрицательного рода, поскольку насилие выступает одним из проявлений интолерантности. Так, Э. Риердон Бетти упоминает насилие в качестве атрибута нетолерантных отношений наряду с запугиванием, изгнанием, отчуждением и подавлением [12, с.18–20]. Таким образом, ненасилие, с одной стороны, является понятием, близким к понятию «толерантность» [13, с.67], а с другой — является элементом толерантности.

Потенциал толерантности в виде широкого выбора ненасильственных способов действия и воздействия достаточно велик. Это означает, что целерациональная деятельность человека может в принципе использовать не только насильственные, но и ненасильственные средства. Однако преимущества ненасилия должны быть очевидными или, по крайней мере, интуитивно переживаемыми. В ситуации заостренности ценностного сознания на толерантности данная деятельность не просто может, но и должна прибегать к ненасильственным способам.

Во многом выбор ненасильственных способов (технологий) действия зависит от философии успеха. Если успех оценивается только как состояние достигнутой желанной цели и как соответствие ей результата, то стремление добиться своего во что бы то ни стало невольно склоняет к фронтальному давлению, насильственному применению имеющейся силы. Ситуация усугубляется, если сама цель чрезмерно субъективна и не коррелирует интересам макро- и мегасообщества. Для достижения эгоистически узких целей к насилию могут прибегать как отдельные люди, так и от-

дельные сообщества. Насилие имеет место также и тогда, когда реализуется стремление к анонимно-всеобщим целям, заключающихся в стремлении «осчастливить» общество.

Разумеется, последовательное проведение толерантной позиции не предполагает отказа от *своего* — своих целей, стремлений, желаний, однако оно требует контекстуализации, т.е. перехода к более гибкому целеполаганию, учета полисубъектного характера окружающей среды действия. От того, выходит или нет рефлексия над целеполаганием к признанию необходимости формирования толерантных установок в конечном счете зависит выбор той или иной альтернативы — достижение своих целей в противоборстве или достижение своих целей в сотрудничестве.

Конечно, реальная практика знает много диалектических ходов, когда сотрудничество прерывается насилием или когда насилие исчерпывает себя и сменяется сотрудничеством в духе партнерства. Метаморфозы — упорный факт. Поэтому основная цель институционализации толерантности, т.е. оформления и закрепления процедур соответствующих вариантов поведения и взаимодействия — в сглаживании деструктивных последствий подобных метаморфоз. Так, если стереотипы толерантности закреплены структурно и получают преимущественное одобрение и признание, а также если они реально задают надлежащее поведение, то насилие, от вспышек которого нет абсолютных гарантий, будет локализовано и минимизировано.

Вполне законно задаться вопросом, в чем заключается предпочтительность, а, следовательно, оптимальность ненасилия? В данном случае аргументацию можно построить от простого. Так, использование ненасилия в форме насильственных методов достижения своих интересов порождает возрастание сопротивления подобным действиям, что приводит к необходимости возрастания (эскалации) насилия, а также закреплению негативных последствий в виде всеобщей враждебности, агрессивности, недоверия. В итоге, проявляется дегуманизирующая архетипическая конфронтация «свое — чужое», провоцирующая стихию насилия и еще более укрепляющая свой статус властвующей мета-

формы, организующей любые взаимодействия на своей платформе. Одновременно с этим можно согласиться с уточнением А. В. Шипилова о том, что оппозиция «свой — чужие» выступает вариантом более фундаментальной оппозиции «мы — они» [14, с.14].

Следует подчеркнуть, что власть данного архетипа в ментальной сфере сопряжена с рисками искажения взаимного восприятия, что на бессознательном уровне оправдывает насилие: чужой — это угроза, если не я, так он меня низведет до минимального, «недосущностного» уровня бытийствования. Активная нетерпимость в отношении другого проявляется в самом широком спектре насилия [15, с.57], [16, с.50–60], [17], [18, с.39–56], крайним полюсом которого является подчинение или уничтожение противостоящей силы [19, с.223]. В противоборстве воли, их стремления подавить друг друга возникает социокультурная патология произвола, сопровождающаяся запугиванием, внушением ощущения безнадежности сопротивления и т.д. С методологической точки зрения надо согласиться с тем, что не только насилие, но и ненасилие является историческим [20, с.50], т.е. постоянно развивающимся феноменом. В итоге оппозиция «насилие — ненасилие» является сочетанием инвариантных и вариативных элементов. Признание этого факта содействует уточнению представлений о толерантности.

При рассмотрении насилия как антипода толерантности следует помнить не только об его рациональной, но и иррациональной стороне. Так, агрессия как предельно очевидная конкретизация насилия может быть не только инструментальной — направленной на достижение разнообразных целей, в том числе прагматических, но и иррациональной, самоцельной, так сказать неоправданной. Недаром Э. Фромм помимо насилия игрового, реактивного, насилия из мести, из потрясения веры выделял еще и насилие, связанное с жаждой крови. С нашей точки зрения, последняя разновидность насилия выполняет определенную функцию и является, если можно так сказать, неразумно-витальной. Так, Ламброзо, один из родоначальников биологического направления в объяснении агрессии, указывал не только на ее психическо-функциональную

паталогичность и биологическую структурированность, но и ее способность быть «методом» разрешения жизненных проблем. К этому методу прибегают не только те, кто является больными: даже психически здоровые люди впадают в момент насилия с их стороны в неадекватные психические состояния.

Скажем прямо, любая межчеловеческая (в том числе межкультурная, межгосударственная) коммуникация не обладает гарантиями взаимопонимания и взаимопризнания. Терпимость и насилие не только дарованы природой и априорны, но и укрепляются или расшатываются в процессе социализации, воспитания, культурации. В той или иной ситуации общения и взаимодействия общество сталкивается с различными проблемами, но их решение может быть различным — насилие (на что, например, указывал Дж. Доллар) либо претерпевание, переживание. С нашей точки зрения, все то, что ведет к крушению нашей идентичности, вызывает реакцию в виде насилия. Насилие может выполнять защитную функцию, а так как наилучшая форма защиты — нападение, то насилие может быть превентивным и внешне безмотивационным. Чужое, от которого исходит «тьма», «опасность», лучше «съесть», чем быть съеденным им. На этой почве актуализации архетипа «враждебного существа» расцветают превратные формы духовности — садистское низведение до вещи, радость господства и т.д., когда парадигмой становится утверждение Я в виде произвола, организованного в той или иной форме. Поэтому данные обстоятельства вполне могут аргументированно выступать основанием выводов о том, что между моралью и насилием существует связь отрицательного рода, т.е. насилие ни в коем случае не имеет морального оправдания^[21, с.21].

Существует аксиома: неспособность созидания прямо ведет к насилию. Хотя насилие «твориться», оно по своей природе противоречит творчеству, выстраиванию комплиментарных и взаимодополнительных отношений между людьми, равно как между человеком и окружающей (природной, социальной, культурной) средой. Вот почему в предельно масштабном горизонте насилие порождается нерешенностью проблем и эту

нерешенность усугубляет. От всего этого веет некой апокалиптикой, концом истории, культуры, гуманности. У Т. Гоббса же эта «война всех против всех» была оптимистически отрефлексирована как естественное, доисторическое состояние. Со своей стороны, мы полагаем, что «война всех против всех» поджидает общество практически на всех резких и крутых изменениях исторических маршрутов, затягивая в обладающую властью... и некоторой притягательностью доисторию со свойственным той забвением толерантности. Тем не менее именно толерантность как маргинальный по сравнению с оппозицией «свое — чужое» архетип позволяет вновь и вновь возвращаться в культуру и историю. В условиях современной цивилизации, оснащенной мощными технологиями, по вполне понятным причинам лучше не экспериментировать со «сползанием» в доисторию, когда на чужаков не распространялись моральные и правовые отношения^[22, с.18]. Поэтому необходимо стремиться к превращению толерантности в доминантный архетип, что предполагает самую развернутую демонстрацию ее преимуществ и даже выгод.

Наиболее явным преимуществом толерантности и сопряженного с ней ненасилия является сбережение энергетических ресурсов общества и личности. В модели толерантного сообщества, стержень которого — явное и неявное согласие, каждое решение вырабатывается с позиций консенсуса. При согласованности каждого решения сама необходимость в насилие исчезает. А если ориентация на консенсус становится еще и установкой, то отпадает и потребность в насилие или, по крайней мере, создаются все условия для сублимации его энергетики.

При пристальном всматривании в насилие оно может предстать как способ достижения признания, главным образом — смыслового. Насильственное принуждение и склонение к согласию, когда вместо подлинного доказательства используется обязывание, навязывание, наказание (что, например, имеет место в отношении чужих в политико-идеологическом смысле — тех, кто придерживается иных взглядов) порождает квазиконсенсус. Вместе с тем, согласие с чужой позицией яв-

ляется вынужденным и связано с конформистской позицией принуждаемого. Поэтому эффективность насилия крайне ограничена.

В современной цивилизации толерантность получает возможность институционального закрепления в виде подлинного консенсуса — политического, социального, культурного и т.д. [23, 168–200]. Институт консенсуса легитимирует ненасилие как ансамбль толерантных технологий. Институционализируемая толерантность создает атмосферу укрепления доверия, благодаря чему открывается возможность применения ненасилия вместо насилия, по сути нейтрализующего вышеуказанную дегуманизирующую оппозицию, оправдывающую необходимость насилия по отношению к чужому или к своему, ставшего чужим в силу той или иной флуктуации.

Если обратиться к современной эпохе, где доминируют ценности демократии и толерантности, то имеются определенные возможности исхода из ауры насилия. Мы не можем сказать, что насилие исчезло, напротив, оно в ряде случаев усилилось, в том числе и путем умелой маскировки и мимикрии. Но насилие уже не представляет собой единственного типа взаимодействия, каковым, оно, впрочем, никогда и не было. Главным ключом к ослаблению конфронтационности стало возникшее сомнение в насилии, разочарование в нем как единственном способе решения всех проблем. В этой связи современная эпоха аналогична другим историческим эпохам, кроме, разумеется, крайне коллизионных периодов, в которых насилие никогда не господствовало полностью, как в структурном, так и манифестационном плане.

Та или иная эпоха становилась особым полем институционализации ненасилия, решая каждая по-своему и одновременно как бы заново задачу освоения иных технологий общения и стилей взаимодействия. Но мы не можем представить историю как сплошное и непрерывное наращивание толерантных ненасильственных технологий. Если и есть прогресс в этом плане, то он касается, прежде всего, того, насколько в той или иной эпохе проявилась способность людей и сообществ к решению тех или иных проблем в форме

ненасилия и насколько эффективно решалась задача в форме ненасилия, и насколько эффективно решалась задача превзойдения объятий доистории и удержания горизонта перехода от «воюющих стад» к сообществам, участвующим в жизни друг друга, перенимающих и трансформирующих те или иные культурные паттерны. И тем не менее утверждение ненасилия в качестве доминантной модели поведения, происходя в виде изживания замкнутости и недоверия, всегда имело дискретный, спорадический характер. Как говорил К. Леви-Стросс, племена то мирно жили, занимаясь перениманием культуры, то вступали в полосу военных действий.

Данный вывод можно экстраполировать и на дальнейшее полотно исторического процесса. Подобное перемерение — исторический удел толерантности. Но сегодня мы уже не можем согласиться с подобным сценарием. Это и понятно: современная толерантность должна быть стабильной и устойчивой, а если она и контактирует с некими разрежениями, то они не должны иметь характера вакуума. Такой подход определяется, во-первых, возможностями толерантности, обладающей многообразием форм, а, во-вторых, несовместимостью интолерантности с общими требованиями современного гуманизма.

Не стоит забывать, что толерантность — среда, преломляющая и далее — заменяющая насилие и агрессию. В этом плане уместно привести позицию А. В. Перцева о том, что толерантность — переходное состояние от конфликта, выливающегося в насилие, к взаимопониманию и сотрудничеству [24, с.43]. Оттого необходимо укреплять толерантные среды, ослабляющие среды насильственные. И хотя ненасильственные толерантные технологии более затратны, именно они дают долгосрочный эффект высвобождения конструктивной энергии. Действительно, трансформация Чужого в Другого экономит энергию деятельности, растрачиваемую, например, в процессе строительства бастионов собственной безопасности, либо на превентивное насилие в целях обеспечения всей той же безопасности. В этом смысле нормативное регулирование ненасильственных отношений, их закрепление в виде навыков и умений продол-

жают линию, намеченную еще М. Бахтиным в области гуманитарного познания — преодоления чуждости чужого без его превращения в свое. Как точно отмечает в данном контексте Л. Г. Почебут, «толерантность ... подчеркивает способ отношения к неприятным или чуждым объектам — снисходительное их допущение или принужденное терпение без применения насилия»^[25, с.4]. В чем-то это вынужденное терпение может показаться насилием над самими собой. Но это не перерастает в указанную ситуацию в том случае, если включается механизм взгляда на свои собственные мировоззренческие установки как бы со стороны. Как пишет Ф. Гюлен, принятие в рамках толерантности даже противоположных нам взглядов означает, что мы осознаем, заново оцениваем наши взгляды и наше мировоззрение^[26, с.101].

Таким образом, мы не можем сказать, что толерантность упраздняет весьма напряженную в экзистенциальном плане оппозицию «свое — чужое»: она есть модальность этой оппозиции. Являясь может быть не всегда установкой на признание и принятие этого чужого, толерантность предполагает не просто вынужденное терпение этого чужого, но установку на признание за этим чужим Иного, которое имеет право на существование, разумеется, если оно не выходит за рамки морально и юридического установленного, а именно — законного. Другими словами, чужое может создавать некую неопределенность вплоть до проблематизации нашей собственной идентичности. Однако в ряду модальностей толерантности имеет место ситуация, когда помимо возможного пассивного принятия существует стремление соприкосновения с чужим и его понимание. В этом случае наша собственная идентичность перестает носить замкнутый характер и, по сути, выстраивается на границе с этим иным. В указанной модальности толерантного отношения не происходит утраты собственной идентичности ввиду отрицания пассивного — конформистского — претерпевания вторжения чужого и чуждого. Таким образом, толерантность не во всех случаях является снижением порога чувствительности.

Заметим, однако, что толерантность, определяемая М. Уолцером как установка

и умонастроение, имеющее разные формы (снисходительность, бесстрастное отношение к различиям, восторженное одобрение различий и т.д.)^[27, с.27], не является растяжимой до бесконечности. Конечно, ее объектом выступает нечто от-личное. В этой связи П. Николсон замечает, что объектом толерантности выступает то, что отклоняется от того, о чем субъект толерантности думает как о должном, либо от того, что он воспринимает как должное. «Толерантный субъект не применяет своей силы, позволяя тем самым существовать отклонению»^[28, с.131–132]. В этом случае не происходит отторжения, но это априорно еще не означает согласия. Толерантность в ряде случаев может «обрываться», из некоей пассивности превращаясь в активное неприятие иного мышления или действия. Но это не во всех случаях означает переход в позицию насилия и агрессии при одновременно приливе ощущения чуждости. Поэтому, с нашей точки зрения, только в определенных смысло-ценностных границах толерантность есть то, что она есть, а именно признание иного мировоззрения и образа жизни, несовпадающего с моим. В этих пределах она, действительно, есть моральный идеал, который «не требует, чтобы субъект толерантности непременно видел какое-либо достоинство в тех мнениях, с которыми он не согласен; но он должен уважать личность тех, кто имеет эти мнения, и относиться к этим людям как к рациональным моральным субъектам, чьи взгляды можно обсуждать и оспаривать и которые способны к рациональному изменению своих убеждений»^[29, с.20].

В области практических социокультурных взаимодействий данный методологический прием становится сутью инновационных технологий, предполагающих сопряжение воли, создание общих — конвенциальных — смыслов. Дабы не быть голословным, можно указать на переговорную практику, основы которой стали разрабатываться еще в 50–60-е гг. XX века (А. Рапопорт, Г. Райф, Р. Фишер). В этот период, когда преобладал акцент на силовой фактор, достижение односторонних преимуществ и победы, низвержение противника, переговоры стали мощной

альтернативой одностороннего выигрыша. Нарботки этого периода не потеряли, а, напротив, усилили свою актуальность и нашли своего дальнейшее развитие. В частности, конфликтный медиаторинг, ставший чрезвычайно развитой институцией современной толерантности, позволяет достигнуть ненасильственного сопряжения интересов. Институт конфликтного медиаторинга и многоэтапных переговоров — это мощный заслон против манипулирования, давления, ориентации на бескомпромиссность, хотя он и предполагает пребывание в режиме «вечного компромисса».

Думается, что специфика современной толерантности заключается также в наличии неинституционализированных технологий. Издержки всякой институционализации, проявляющейся в формализации, хорошо известны. Но они могут быть сведены к минимуму при их дополнении необъективируемой тактикой и стратегией в духе М. Ганди, советовавшего покорять противника любовью [30, с. 65–66]. Ныне выработаны и вполне отчетливые формы (шестивие, юмор, невозмутимость, моление, байкот) и правила (уверенность в себе, побеждать зло добром) ненасильственной борьбы [31, с. 36], [32].

Те или иные практические вопросы, возникающие в ходе апробации и институционализации толерантных технологий, не могут обойти и вынести за скобки решение теоретического вопроса о том, а что же такое, собственно говоря, насилие? Каково соотношение в нем вариативного и инвариативного? Как только речь заходит о насилии, в сознании всегда рисуются монструозные образы. Не стоит забывать о том, что большую роль в определении тех или иных действий в качестве насильственных играет воображение, болезненная восприимчивость и т.д. Бывает и так, что одни и те же действия в одном случае квалифицируются как насилие, а в другом нет. Так, послушание в монастыре в одной системе отсчета (монастырской) — не является насилием, но в другой системе отсчета (светской) все это воспринимается как насилие. Зачастую простая вынужденность, когда она становится непереносимой, квалифицируется в качестве насилия. Иными словами, мы стал-

киваемся с релятивностью насилия (в той или иной культурной среде в соответствии с традицией за насилие принято считать то, что в другой инокультурной среде насилием не является) и невозможностью его освобождения от эмоциональных оценок и этических реакций. Все это не означает, что стремление выявить объективные и всеобщие критерии насилия непродуктивно. Ибо, если насилие «удаляется» в бесконечную игру смысловых ходов, являясь в конечном счете нечто невнятным и неопределенным, то что же говорить об его антиподе — ненасилии.

Согласие относительно содержания насилия является полным, когда во внимание берутся физические расправы и иные близкие действия, которыми преисполнена человеческая история и которые как урок хранит человеческая память. Однако помимо манифестного есть и косвенное насилие, которое трудно эксплицировать в чистом виде. Но и оно также посягает на отправной пункт и индикатор человеческого бытия — свободную волю как атрибут онтологической самостоятельности и состоятельности. Неслучайно рабы, у которых свободная воля была отчуждена, не воспринимались в качестве людей, но со своей стороны они стремились стать таковыми посредством бунта. Иначе говоря, насилие можно распознать и по его «плодам» и по арсеналу используемых средств, направленных против свободы воли.

В этой связи глубоко прав А. А. Гусейнов, полагающий, что «насилие — это не вообще принуждение, не вообще ущерб жизни и собственности, а также принуждение и такой ущерб, которые осуществляют вопреки воле того или тех, против кого они направлены» [33, с. 46]. Со своей стороны заметим, что условием демаркации насилия и ненасилия является само претерпевание, если актер согласен с принуждением, то это уже не насилие. Одновременно надо учитывать, что свободно ли человек согласился или же он был принужден к согласию. Итак, именно наличие свободы воли как атрибутивного качества человека, выступает основанием различения насилия и агрессии. «Насилие имеет место только во взаимоотношениях между людьми, поскольку они обладают свободой

воли; оно в этом смысле есть общественное сознание» [34, с.56].

Плюрализация и полисубъективация современного общества представляет собой уникальный онтологический разворот для обсуждения вопросов насилия. Возрастает роль субъективных критериев наличия или отсутствия насильственных действий. К примеру, действия социального работника, действующего в западных странах в интересах клиента, все более расцениваются как насилие и способ укрепления новых каналов власти [35]. Ситуация — «в чьих-то интересах, но помимо их воли» — является достаточно распространенной; при этом, будучи соотносима с толерантностью и ненасилием, она представляет собой лагуну. С другой стороны, официальное признание уникальности, нетипичности, закрепившее усиление индивидуализации сознания и поведения создает новые поля для встречи насилия и ненасилия.

В сообществе, выбравшего в качестве идеала нетипичность и культурное многообразие, должно происходить сужение возможности применения насилия. Хотя, конечно, проблема насилия может решаться простым упразднением единого представления и понимания насилия в общественном сознании. Тем не менее, полисубъектность не означает полнейшей понятийной полимаргинальности и поливалентности, ибо возобладание последних сделало бы невозможным существование общества и общественного человека. Поэтому речь приходится вести все в том же ключе традиционного рассмотрения соотношения насилия и ненасилия, поскольку по-прежнему продолжает существовать немаргинальный центр и маргинальная окраина, которая может представлять собой не только «принятие с удивлением», но и быть попросту субкультурой насилия. Другое дело, что в современном обществе в качестве средств насилия, т.е. того, что направлено против воли участников общественного процесса, выступает то, что по своему характеру амбивалентно. Подобное смещение детерминировано и метаморфозами самой воли.

В век «масс» преобладает ориентация на получение удовольствий и избегание страдательности — не только физической,

но и смысловой. Ясно, что малейшее принуждение в этом случае идет против воли (не по нраву) и воспринимается как насилие, например, принудительное действие правовых и в меньшей степени моральных норм. Недоверие распространяется на идеи, идеологии, возвышенные ценности. Любое конструирование ценностных систем расценивается как резерв возможного насилия. иначе говоря, свободолюбие современного человека, сопрягаясь с произволом, создает контекст, в котором любое принуждение подводится под рубрику насилия и порабощения (умаления свободы, ее изъятия, отчуждения).

С учетом сказанного выявляется вся ответственность структурирования толерантности в современных условиях. Свободна ли толерантность от всяких контактов с насилием в любых его формах? Не есть ли толерантность — претерпевание насилия? В современных условиях насилие предстает как абсурдный объект, который не расценивается как эффективное средство решения проблем. ограниченность потенциала насилия стала ныне очевидной. Однако отказываться от насилия никто не собирается, хотя это возвещало бы перемену способа бытия, онтологическое переустройство, освобождение от столь притягательных патологий социального разума. Подле «повивальной бабки истории» поставлен большой вопрос, но все свидетельствует о ее функциональной востребованности. В связи с тем, что на фоне самых «последних» открытий того, что не все решается силой (насилием), и осознания регионов, где насилие только вредит, может возникнуть желание одновременно освободиться от принуждения как использования силы. Но вслед за ним следует изгнать и право, государство, собственность и другие многие институты цивилизации. Поэтому более продуктивно, на наш взгляд, нацеливаться не на полное и окончательное упразднение насилия, а на его локализацию в качестве принуждения, которое во многих случаях имеет смысл.

На наш взгляд, толерантность приобретает смысл и перспективу в том случае, если она имеет четкие пределы. Поэтому ненасилие должно сочетаться в ее рамках с легитимным применением силы. Однако не является ли это

попыткой запрячь коня и трепетную лань? Нет, ибо сочетание разнородных элементов в структуре толерантности вполне традиционно. Во все времена толерантность имела, как мы уже указывали, пределы и границы, которые ни в коем случае не должны исчезнуть в процессе универсализации современной толерантности. И когда мы говорим о толерантности как исключении насилия путем использования других технологий достижения целей и разрешения споров, то нельзя забывать, что подчас разумно и целесообразно силовое вмешательство в целях прекращения насилия. Зачастую последний шаг более оправдан и является единственным средством, когда следует восстановить справедливость, прекратить бессмысленное противоборство. Разрешение, в том числе и юридического конфликта, также предполагает, хотя и не всегда, применение силы. В этом плане мы полностью солидаризируемся с подходом Р. Г. Апресяна, который полагает, что «сила не должна применяться инициативно, но в действиях, направленных против насилия и агрессии при неэффективности несилowych методов допустимо и необходимо применение силовых методов. Однако последнее требует своей этики, своих правил ...» [36, с.143].

Таким образом, при системном осмыслении диалектики насилия и ненасилия нет ничего странного в том, что в рамках противопоставленности насилия вполне легитимным является легальное применение силы, выполняющее функцию сохранения целостности системы, без чего она не может развиваться. Применение силы приемлемо, если отсутствует возможность ненасильственного решения тех или иных спорных вопросов. Следует учитывать, что легальный механизм исключения насилия есть реализация специфических правовых процедур.

В обществе были и остаются деструктивные личности и группы: они не вынесены из общества, они — в обществе. В ряде субкультур, например, в тюремной субкультуре, насилие — преимущественная форма взаимоотношений, основанная на праве сильного. Легальное применение силы не всегда свободно от воспроизведения данного права, поскольку легальность может быть право-

вым оформлением произвола. В этом случае говорят о легальном применении насилия. Однако именно легальное применение силы, включенное в контекст моральных и правовых принципов, ближе по своей природе к гуманистическому контексту культуры, насыщено идеалами культуры. Так, общество пытается нейтрализовать действия, направленные на его разрушение, ограждая себя принуждением при одновременном создании атмосферы конструктивного взаимодействия. Иначе говоря, толерантность ограждается силой. В этом смысле происходит расширение понимания феномена толерантности, заключающееся в представлении о принуждении как способе подготовки почвы для возвращения и укрепления ненасилия. Те общества, в которых принуждение минимизировано в составе толерантности, могут рассматриваться как успешно решившие проблемы агрессивных форм поведения.

Духовная и социальная организация обществ, в которых условия применения принуждения ограничены и находятся под контролем, имеют дело с законной силой, обращенной в качестве принуждения по отношению к тем, кто игнорирует декларируемые, признанные, разделяемые и одобряемые большинством нормы и ценности. Как бы то ни было, в современных условиях возрастания гетерономности социума возникают условия для ценностного диссонанса, подпитываемого идеологий многообразия форм культурного самовыражения. В этих условиях подгонка систем ценностей под общий знаменатель выступает явным насилием. Поэтому былое противопоставление воли большинства и интересов меньшинства утрачивает свою актуальность. В соответствии с этим происходит осознание потребности в консенсуальном принятии некоего ценностного ядра, необходимого для существования общества как целостности. В этом случае уменьшается регион применения смысло-ценностного насилия.

В культуре помимо ситуаций возрастания смысла (ментальной вместимости) действуют и вполне банальные механизмы принятия или непринятия тех или иных феноменов, соответственно укладывающихся или не укладывающихся в понятийно-языковую картину

мира. Разумеется, действие данных механизмов принудительно и отчасти насильственно. Даже те или иные стереотипы насильственного, равно как ненасильственного поведения всецело культурно артикулированы и освящены. В образе жизни, в традициях закреплено так называемое структурное насилие, получающее общественное признание и одобрение. Это, по нашему мнению, означает, что образцы толерантного и интолерантного поведения принудительны, но если предполагается выбор этих вариантов поведения, то следует говорить об ограниченном характере структурного насилия, укорененного в виде стереотипов и определяющего характер протекания и способы разрешения конфликтов в том или ином обществе. Поэтому, когда происходит поиск корней агрессивного и насильственного воздействия, то не следует забывать о подобных формах насилия, которые укоренены в культурной памяти и которые организуют на своей основе реальные взаимодействия, подталкивая субъектов к тому, чтобы они их воплотили. Отсюда всякое насилие зафиксировано как некий паттерн в ценностно-нормативной системе общества. И если конкретные — манифестационные — насильственные действия соответствуют последней, они санкционируются, оправдываются, принимаются обществом как приемлемые и справедливые. «К культурному насилию относится любой аспект культуры, который может использоваться для легализации насилия в его прямой или структурной форме» [37, с.34].

О структурном насилии можно говорить и в несколько ином плане: общество как целостность обладает отчужденными структурами, насилие со стороны которых вполне естественно, хотя это насилие может выглядеть и как принуждение к выполнению функциональных обязанностей. Насилие обнажает себя, когда возникает необходимость заставить следовать нормативной организации, которая по вполне понятным причинам не всем по душе. Давление общества на индивида подобно столбу воздуха и вызывает тяготение к обратному насилию, используемому как средство борьбы за свободу выражения и самоопределения. Здесь мы сталкиваемся с интолерантностью, использующей насилие.

Но парадоксально, что цель этого насилия, кроме случаев закоренелого нигилизма — борьба за толерантность отношений. Отсюда структурное насилие — источник социальных напряжений, выбрасывающий ответное насилие, особенно со стороны тех, кто относится ввиду обделенности и ущемленности интолерантно к самому себе и ожесточенно и мстительно — по отношению к обществу. Характерно, что в глазах противящихся их насилие — законно и призвано восстановить справедливость, пусть и субъективно истолковываемому. Одновременно законны и справедливы санкции государства, всегда обосновывающего законность права на применение наказания в отношении лиц с девиантной ценностно-нормативной моделью поведения, если оно выплескивается в правонарушения.

Из сказанного следует, что уменьшение региона насилия предполагает уменьшение его структурной укорененности. Не секрет, что насилие всегда преобладает, если оно является средством охранения жесткого порядка, воплощающего идеалы насильственной рациональности. Кстати говоря, насилие всегда стремится к легитимации, что вызывает настороженность, ибо насилие как орудие произвола также стремится казаться законным, т.е. оправданным с точки зрения закона, и представляет себя в качестве меры по наведению порядка. Поэтому признание может получить не насилие, а легитимное применение силы, причем только в той ситуации, когда закон выражает право и когда существует наличествует высокий уровень правовой культуры.

В связи со сказанным инновационные технологии современной толерантности не должны отбрасывать и вполне традиционные технологии «офилофствования» насилия, в том числе правовые институты при всей их различающейся ограниченности и уязвимости. С другой стороны, вряд ли ненасилие разумно, если оно не включает в систему своих критериев право, которое, как и мораль, предполагает деонтологию — совокупность долженствований и требований. Да и толерантность как таковая вряд ли будет действительна, если она не будет включать в себя императивную часть. Вместе с тем, мы не мо-

жем видеть в праве исключительно легальное насилие, ибо состав правовых норм включает не только запреты и обязательства, но и правопродоставление. Равно как и мораль, право действует не только принудительно и безоговорочно, но и путем убеждения, являющегося условием реализации норм.

Достаточно слабая правовая или моральная установка субъекта вызывает к жизни достаточно превратное истолкование и восприятие механизма действия норм. Поэтому каждое общество решает проблему насилия путем принятия мер по снижению его уровня путем воздействия на установку субъектов — посредством создания атмосферы повышения степени терпимости, укрепления доверия людей друг к другу, пресечением дозволенного насилия. В современной цивилизации сюда можно отнести институционализацию неагрессивных способов решения конфликтов, стимулирование контроля за агрессивностью. В архаических культурах формой такого контроля выступал обряд инициации, позволявший направлять агрессию в приемлемые формы). Особо примечательны превентивные меры, например, внесение в трудовой контракт предупреждения о моббинге, т.е. предупреждения о санкции в случае морального насилия на рабочем месте. Иначе говоря, структурное насилие в большей части его объема пытаются сегодня смягчить и сделать маргинальным, оставив только необходимые его компоненты. Тем самым оппозиция «толерантность — насилие» оборачивается диалектическим соотношением нетерпимости к универсальности насилия и терпимости к допускаемому насилию.

В свете сказанного может возникнуть некоторый оригинальный обертон мысли — а не является ли терпимость ничем иным, как претерпеванием насилия? В свою очередь, если насилие истончается, то терпеть уже нечего. Вследствие чего исчезают основания говорить о существовании феномена толерантности. Выход из этого парадокса видится в том, что терпение как претерпевание более широкий феномен, чем насилие или ненасилие. Претерпевать можно и такой атрибут терпимости, как ненасилие. А если насилие становится нормой в обществе, то можно гово-

рить о расширении границ претерпевания насилия. Но не является ли терпимое отношение к насилию некой патологией? Вот здесь и обозначается предельно сложный узел проблематики ненасилия. Одно дело — терпимость в ненасильственной среде взаимодействия, в другое — терпимость в среде насильственной. В христианстве утверждается ненасильственное, терпимое отношение к насилию в целях его естественного изживания. Однако не является ли ненасильственное претерпевание насилия, но уже над собой? Не лучше ли «взорваться» и устранить вторжение, вмешательство, попрание легитимности моральной и физической неприкосновенности, нарушение автономии, т.е. неких цивилизованных основ бытия, признание и соблюдение которых сдерживает поползновения к насилию как таковому?

Ответ насилием на насилие, ограничивающего свободу, — вполне распространенная реакция. Однако применение в этом случае насилия вовсе не есть, как представляется, показатель слабости, общей усталости от насилия, немощи. Ненасильственность толерантности означает отказ от использования силы там, где это необходимо и возможно, но не отказ от использования силы вообще [38, 30–39]. В истории общественной мысли по этому поводу существует очень убедительная позиция И. Ильина. Данный философ определял силу как способность реального к действию [39]. До этого И. Кант определял силу как способность преодолевать большие препятствия: та же сила называется властью, если она может преодолеть сопротивление того, что само обладает силой. В последнем смысле сила предстает и как могущество (государственное могущество по Г. Моргентхау). Так или иначе, субъективные интересы и намерения реализуются и защищаются посредством силы. Но это будет уже сила толерантности, если она контекстуализирует и расширяет поле онтологической укоренности исходной мотивации. Так, в политике сила применяется очень часто и является насилием, но ориентация на баланс сил, на мирное сосуществование упраздняет насилие и связанное с ним страдание.

С учетом сказанного легальное применение силы воспринимается как насилие ис-

ключительно теми субъектами, к которому оно применяется. Существует масса высказываний, аналогичных метафоре «сила — уму могила». Однако надо иметь в виду, что здесь подразумевается сила насильственная, т.е. сметающая все на своем пути и вытесняющая все, несовместимое с ней. Умная же сила — компонент толерантности и ненасилия, которые не суть обесилённость и усталость, а развёртывание силы в другом качестве и другом плане на основе согласия. Если нет согласия, то даже интеллектуальный спор будет чреват насильственным применением силы аргументов, примеров и т.д. Переубеждение станет вторжением и искоренением имманентных убеждений другого участника взаимодействия. Толерантное взаимодействие как такое — не ослабленное парение друг подле друга (хотя и такой сценарий также существует в постмодернистской версии толерантности), а активнейшее, наполненное и насыщенное энергией взаимодействие, которое далеко от идиллии умиротворения.

Отмена насилия, особенно при коммунировании картин мира, не означает отмены силы. Но эта сила поставлена в рамки и весьма снисходительна; она более неявна, чем явна. Сила широко используется в процессе творчества, например, при преодолении сопротивления «материи», при нейтрализации безумных иррациональных порывов и т.д. Толерантность субъекта не означает его полной недееспособности к насилию — там, где надо, в исключительных случаях он ее проявит. Но повседневная жизнь межличностной коммуникации достаточно подвижна и способна все же выстраиваться поодаль от массивного и статистического насилия. И если при конфронтационном взаимодействии противники всячески стремятся выглядеть сильными, поскольку любая брешь и любая возможность осознания слабости будет стимулировать со стороны противника желание покончить с антиподом одним махом (т.е. когда его слабость становится условием применения насилия), то в ненасильственном взаимодействии энергетика силы направляется на достижение понимания, консенсуса, на веру и ожидание его в будущем, если оно отсутствует в настоящем.

Так, следуя примеру Ганди, сторонники ненасильственного сопротивления для обозначения агрессора используют не слово «враг», а слово «оппонент», подчеркивая необходимость непрерывного диалога с ним. Данный диалог — ключ к пониманию и ускорению завершения войны. Но весьма характерно, что данные стратегические интенции дополняются всецело активным ненасильственным сопротивлением, т.е. «гражданская оборона может стать полноценной альтернативой обычным способам отпора агрессии»^[40, с.31]. И если толерантность в целом нельзя утверждать насилем, то все же она только и утверждается у-силием. К тому же и само бытие есть мощь, и сила толерантности есть утверждение интенсивности со-вместного бытия. Вот почему тесна и положительна связь силы и терпимости, равно как тесной, но отрицательной является связь толерантности и насилия. И только силой можно высвободить толерантность из насилия, сделав ее возможной и расширив ее границы.

В этом контексте справедливо замечание А.А. Гуссейнова о том, что для любви необходимо больше кругозора и мужества, чем для кровной мести, дуэли или иной физической расправы с «врагом». Это может быть непосредственно выражено и признанием силы терпения и слабости насилия. И когда мы со всей несомненностью утверждаем силу и мощь институционализированной толерантности, то на вопрос о том, а сильно ли насилие, концентрирующее в себе откровенно негативную, деструктивную силу, мы не можем ответить положительно. Насилие проистекает от ограниченности и «рамочности», оттого оно слабо: не умеет и не желает решить вопрос или проблему по-другому. Так, из-за неспособности добиться признания либо потерпеть с удовлетворением своих потребностей и интересов возникает, говоря юридическим языком, умышленное действие, направленное на причинение боли или физического морального вреда другим людям. Если же субъект находится в силовом поле толерантности, то он будет действовать иначе. Конечно, он будет преодолевать сопротивление, но будет делать это без превзойдения и уничтожения, а также устранения самого сопротивляющегося.

Баланс и консенсус легитимизируют применение легальной силы, но делают ее совершенно неосновным и неглавным в межличностном взаимодействии. Красота и истина человеческих отношений предполагают усиление драматизма, но вступление в войну, как советовал Фр. Ницше, ради поддержания чувства красоты не только необязательно, но неперспективно и негуманно. Насилие обоюдно разрушает и обладающего сильной волей и обладающего слабой волей, равно как и насилие сознания над бессознательным, а бессознательного над сознанием ослабляет их творческие возможности. Хотя неравенство и имманентно человеку, смирение, терпимость, самоограничение, ненасилие в отношении друг к другу — те ценностные защитные пояса, которые обеспечивают синергичность совместного бытия, взаимоуси-

ление его участников, препятствуют превращению в безвольную массу, всегда нуждающуюся в сильной руке.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что без категорий «насилие» и «ненасилие», являющихся категориями моральной и социальной философии, невозможно раскрыть содержание понятия «толерантность». Безусловно, в толерантности заложены моменты страдания, вызываемого соприкосновением с чужими взглядами, привычками и образом жизни. Однако именно посредством претерпевания этой страдательности благодаря инструментарию ненасильственной коммуникации, происходит расширение ментальной и смысло-жизненной вместимости субъекта, а общество приобретает новый ресурс развития в виде признаваемого разнообразия и плюрализма.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Толерантность. Сборник научных работ. / Под общ. ред. М. П. Мчедлова. — М.: Республика, 2004. — 416 с.
2. Толерантность в культуре и процесс глобализации. / Отв. ред. Н. И. Киященко. — М.: Гуманитарий, 2010. — 486 с.
3. Андреюшкина Е. Н. Толерантность: социально-гуманитарные аспекты. — Тольятти: Изд-во ТГУ, 2013. — 375 с.
4. Бондырева С.К., Колесов Д.В. Толерантность: Введение в проблему. — М.: МПСИ, 2011. — 240 с.
5. Крашенинников К. А. Толерантность: социально-философское проектирование и этнополитические практики. — Саратов: Изд-во СГСЭУ, 2009. — 167 с.
6. Баева Л. В. Толерантность: идеи, образы, персоналии. — Астрахань: Издательство Астраханского государственного университета, 2009. — 217 с.
7. Толерантность в обществе различий: коллективная монография. Под. ред. В. Е. Кемерова. — Екатеринбург: Полиграфист, 2005. — 232 с.
8. Нальгиева Х. Л. Толерантность: генезис, эволюция, практика. — Майкоп: Издательство Адыгейского университета, 2006. — 142 с.
9. Дивов О., Бенедиктов К., Каганов Л. и др. Беспощадная толерантность. — М.: Эксмо, 2012. — 480 с.
10. Шугуров М.В. «Праздная» толерантность: постмодернистский сценарий // Общественные науки и современность. — 2003. — № 5. — С. 140–149.
11. Пряхин Н. Г. Философия ненасилия: история и современность (социально-философский анализ). Автореф. ... канд. филос. наук. — СПб., 2006. — 24 с.
12. Риердон Бетти Э. Толерантность — дорога к миру. — М.: Бонфи, 2001. — 304 с.
13. Касьянова Е. И. Феноменологический анализ сущностных аспектов категории «толерантность» // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. — 2010. — Вып. 4. — С. 63–71.
14. Шипилов А.В. «Свои», «чужие» и «другие». — М.: Прогресс — Традиция, 2008. — 568 с.
15. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. — М.: Издательство Института Гайдара, 2013. — 480 с.

16. Краси́ков В. И. На́силие в эволю́ции, исто́рии и совре́менном о́бществе. — М.: Водолей, 2010. — 198 с.
17. Жданкин В. А. Ценностное и праксеологическое содержание концептов «насилие» и «ненасилие» в современной социальной философии. Автореф. ... канд. филос. наук. — Воронеж, 2010. — 26 с.
18. Денисов В. В. Философия насилия // Философия и общество. — 2008. — № 1. — С. 39–56.
19. Антропология насилия. Под ред. В. А. Тишкова и В. В. Бочарова. — СПб.: Наука, 2001. — 532 с.
20. Сикирин В. Л. Потенциал и перспектива ненасилия как особой формы общественной практики // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Философия, социология, культурология. — 2013. — № 38. — С. 50–54.
21. Остроухов В. На́силие скво́зь при́зму веко́в: Исто́рико-филосо́фский а́нализ. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. — 189 с.
22. Назаретян А. П. На́силие и не́на́силие в исто́рической пе́рспективе // Исто́рическая психология и социология исто́рии. — 2008. — № 1. — С. 8–32.
23. Шугуров М. В. Парадоксы толерантности: технологические и институциональные особенности современной терпимости // Философская и правовая мысль. — Вып. 4. — Саратов — СПб., 2002. — С. 168–200.
24. Перцев А. В. Ментальная толерантность // Толерантность. Вестник Уральского МИОН. — Екатеринбург, 2001. — Вып. 1. — С. 30–47.
25. Почебут Л. Г. Организационно-методические основы функционирования Центра толерантности. — СПб.: Питер, 2004. — 235 с.
26. Гюлен Ф. Диалог и толерантность. — М.: Издательство «Новый Свет», 2010. — 359 с.
27. Уолцер М. О терпимости. — М.: Идея-Пресс, 2000. — 160 с.
28. Николсон П. Н. Толерантность как моральный идеал // Толерантность. Вестник Уральского МИОН. — 2001. — Вып. 1. — С. 129–146.
29. Бакулина С. Толерантность. От истории понятия к современным социо-культурным смыслам. — М.: Издательство «ФЛИНТА», 2014. — 112 с.
30. Ганди М. Моя вера в ненасилие // Вопросы философии. — 1992. — № 3. — С. 65–66.
31. Антология ненасилия. Отв. ред. Г. Джибладзе. — Москва — Бостон: Советско-американская гуманитарная инициатива, 1992. — 254 с.
32. Опыт ненасилия в XX столетии: Социально-этические очерки. Под ред. Р. Г. Апресяна. — М.: Аслан, 1996. — 280 с.
33. Гусейнов А. А. Понятие насилия и ненасилия // Вопросы философии. — 1994. № 6. — С. 46–52.
34. Сорель Ж. Размышления о насилии. — СПб.: Академический проект, 2005. — 286 с.
35. Гуггенбюль-Крейг А. Власть архетипа в психиатрии и медицине. Пер. с нем. — СПб.: Издательство Б. С. К., 1997. — 118 с.
36. Апресян Р. Г. Этика силы — в противостоянии насилию и агрессии // Вопросы философии. — 2010. — № 9. — С. 143–153.
37. Галтунг И. Культурное насилие // Социальные конфликты: экспертиза, технологии разрешения. — Вып. 8. На́силие: те́нденции и а́льтернативы. — М.: Институт социологии РАН, 1995. — С. 34–55.
38. Шарп Дж. Роль силы в ненасильственной борьбе // Вопросы философии. — 1992. — № 8. — С. 30–39.
39. Ильин И. О противлении злу силой // Путь к очевидности. — М.: Республика, 1993. — 424 с.
40. Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры. Под ред. Р. Г. Апресяна. — М.: Гардарики, 2002. — 408 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Tolerantnost». Sbornik nauchnykh rabot. / Pod obshch. red. M. P. Mchedlova. — M.: Respublika, 2004. — 416 s.
2. Tolerantnost» v kul'ture i protsess globalizatsii. / Otv. red. N. I. Kiyashchenko. — M.: Gumanitarii, 2010. — 486 s.
3. Andreyushkina E. N. Tolerantnost': sotsial'no-gumanitarnye aspekty. — Tol'yatti: Izd-vo TGU, 2013. — 375 s.
4. Bondyreva S. K., Kolesov D. V. Tolerantnost': Vvedenie v problemu. — M.: MPSI, 2011. — 240 s.
5. Krashennnikov K. A. Tolerantnost': sotsial'no-filosofskoe proektirovanie i etnopoliticheskie praktiki. — Saratov: Izd-vo SGSEU, 2009. — 167 s.
6. Baeva L. V. Tolerantnost': idei, obrazy, personalii. — Astrakhan': Izdatel'stvo Astrakhanskogo gosudarstvennogo universiteta, 2009. — 217 s.
7. Tolerantnost» v obshchestve razlichii: kollektivnaya monografiya. Pod. red. V. E. Kemerova. — Ekaterinburg: Poligrafist, 2005. — 232 s.
8. Nal'gieva Kh. L. Tolerantnost': genesis, evolyutsiya, praktika. — Maikop: Izdatel'stvo Adygeiskogo universiteta, 2006. — 142 s.
9. Divov O., Benediktov K., Kaganov L. i dr. Besposhchadnaya tolerantnost». — M.: Eksmo, 2012. — 480 s.
10. Shugurov M. V. «Prazdnaya» tolerantnost': postmodernistskii stsennarij // Obshchestvennye nauki i sovremennost». — 2003. — № 5. — S. 140–149.
11. Pryakhin N. G. Filosofiya nenasiliya: istoriya i sovremennost» (sotsial'no-filosofskii analiz). Avtoref. ... kand. filos. nauk. — SPb., 2006. — 24 s.
12. Rierdon Betti E. Tolerantnost» — doroga k miru. — M.: Bonfi, 2001. — 304 s.
13. Kas'yanova E. I. Fenomenologicheskii analiz sushchnostnykh aspektov kate-gorii «tolerantnost'» // Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya, sotsiologiya, kul'turologiya, sotsial'naya rabota. — 2010. — Vyp. 4. — S. 63–71.
14. Shipilov A. V. «Svoi», «chuzhie» i «drugie». — M.: Progress — Traditsiya, 2008. — 568 s.
15. Nort D., Uollis D., Vaingast B. Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoi istorii chelovechestva. — M.: Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2013. — 480 s.
16. Krasikov V. I. Nasilie v evolyutsii, istorii i sovremenном obshchestve. — M.: Vodolei, 2010. — 198 s.
17. Zhdankin V. A. Tsennostnoe i prakseologicheskoe sodержanie kontseptov «nasilie» i «nenasilie» v sovremennoi sotsial'noi filosofii. Avtoref. ... kand. filos. nauk. — Voronezh, 2010. — 26 s.
18. Denisov V. V. Filosofiya nasiliya // Filosofiya i obshchestvo. — 2008. — № 1. — S. 39–56.
19. Antropologiya nasiliya. Pod. red. V. A. Tishkova i V. V. Bocharova. — SPb.: Nauka, 2001. — 532 s.
20. Sikirin V. L. Potentsial i perspektiva nenasiliya kak osoboi formy obshchestvennoi praktiki // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya, sotsiologiya, kul'turologiya. — 2013. — № 38. — S. 50–54.
21. Ostroukhov V. Nasilie skvoz» prizmu vekov: Istoriko-filosofskii analiz. — M.: OLMA-PRESS, 2003. — 189 s.
22. Nazaretyan A. P. Nasilie i nenasilie v istoricheskoi perspektive // Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii. — 2008. — № 1. — S. 8–32.
23. Shugurov M. V. Paradoksy tolerantnosti: tekhnologicheskie i institutsional'nye osobennosti sovremennoi terpimosti // Filosofskaya i pravovaya mysl». — Vyp. 4. — Saratov — SPb., 2002. — S. 168–200.
24. Pertsev A. V. Mental'naya tolerantnost» // Tolerantnost». Vestnik Ural'skogo MION. — Ekaterinburg, 2001. — Vyp. 1. — S. 30–47.
25. Pochebut L. G. Organizatsionno-metodicheskie osnovy funktsionirovaniya Tsentra

- tolerantnosti. — SPb.: Piter, 2004. — 235 s.
26. Gyulen F. Dialog i tolerantnost». — M.: Izdatel'stvo «Novyi Svet», 2010. — 359 s.
  27. Uoltser M. O terpimosti. — M.: Ideya-Press, 2000. — 160 s.
  28. Nikol'son P. N. Tolerantnost» kak moral'nyi ideal // Tolerantnost». Vestnik Ural'skogo MION. — 2001. — Vyp. 1. — S. 129–146.
  29. Bakulina S. Tolerantnost». Ot istorii ponyatiya k sovremennym sotsio-kul'turnym smyslam. — M.: Izdatel'stvo «FLINTA», 2014. — 112 s.
  30. Gandi M. Moya vera v nenasilie // Voprosy filosofii. — 1992. — № 3. — S. 65–66.
  31. Antologiya nenasiliya. Otv. red. G. Dzhibladze. — Moskva — Boston: Sovetsko-amerikanskaya gumanitarnaya initsiativa, 1992. — 254 s.
  32. Opyt nenasiliya v KhKh stoletii: Sotsial'no-eticheskie ocherki. Pod red. R. G. Apresyana. — M.: Aslan, 1996. — 280 s.
  33. Guseinov A. A. Ponyatie nasiliya i nenasiliya // Voprosy filosofii. — 1994. № 6. — S. 46–52.
  34. Sorel» Zh. Razmyshleniya o nasilii. — SPb.: Akademicheskii proekt, 2005. — 286 s.
  35. Guggenbyul'-Kreig A. Vlast» arkheta v psikhologii i meditsine. Per. s nem. — SPb.: Izdatel'stvo B.S.K., 1997. — 118 s.
  36. Apresyan R. G. Etika sily — v protivostoyanii nasiliyu i agressii // Voprosy filosofii. — 2010. — № 9. — S. 143–153.
  37. Galtung I. Kul'turnoe nasilie // Sotsial'nye konflikty: ekspertiza, tekhnologii razresheniya. — Vyp. 8. Nasilie: tendentsii i al'ternativy. — M.: Institut sotsiologii RAN, 1995. — S. 34–55.
  38. Sharp Dzh. Rol» sily v nenasil'stvennoi bor'be // Voprosy filosofii. — 1992. — № 8. — S. 30–39.
  39. Il'in I. O protivlenii zlu siloi // Put» k ochevidnosti. — M.: Respublika, 1993. — 424 s.
  40. Nравstvennye ogranicheniya voyny: problemy i primery. Pod. red. R. G. Apresyana. — M.: Gardariki, 2002. — 408 s.